

Его сердце тут же замерло в груди, и он хотел крикнуть:

— Я тебе верю, верю, возвращайся скорее!

Но не смог издать ни звука. Протянув руку, чтобы ухватить руку Бай Иньфэна, он увидел, как тело Бай Иньфэна откинулось назад и рухнуло прямо в водопад.

Он впал в панику, выкрикивая имя Бай Иньфэна, но ответа так и не последовало. Внезапно он ощутил что-то, напрягся, медленно обернулся и увидел, как Юнь Тао натягивает железную стрелу на тетиву лука, целясь в него.

— Юнь Тао, зачем всё это? Почему ты так со мной поступаешь?

Он спросил Юнь Тао, но тот не ответил, лишь слегка скривил губы в насмешливую ухмылку и отпустил тетиву.

Железная стрела со свистом пронеслась прямо к его лицу.

Он не мог увернуться, вскрикнул и так пробудился ото сна.

Обида от несправедливых обвинений Юнь Тао и горечь от потери Бай Иньфэна заставили слёзы брызнуть из его глаз.

Он не понимал, как за такой короткий срок он потерял самого любимого и самого близкого человека в мире.

У него были веские причины скрывать свою личность, почему же Юнь Тао не захотел его выслушать? Неужели в императорской семье нет места чувствам, и Юнь Тао из-за его временной скрытности уже не питает к нему ни капли любви?

Из-за большой потери крови его тело стало ледяным, а сердце в этот момент было холодным, как лёд, будто он даже не чувствовал боли.

Он всегда хранил себя чистым, среди трёх тысяч слабых вод пил лишь одну черпаком, однако судьба сыграла с ним злую шутку — Юнь Тао оказался к нему бессердечен.

Знал бы он заранее, так не стал бы так серьёзно относиться, лучше бы с самого начала, подобно своему отцу, пустился во все тяжкие, переиграв всех красавиц мира. Если бы он не вкладывал чувства, всегда сохраняя рассудок, то не оказался бы в такой опасности.

Если бы он не любил Юнь Тао так сильно, то когда А Фэн его предупредил, он бы насторожился и не довёл бы себя до такого жалкого состояния.

Юнь Тао, Юнь Тао, это ты меня вынудил...

Отныне я, Тан Сяоу, разрываю все нити любви и больше никогда никого в этом мире не полюблю!

Он молча думал об этом, а многочисленные раны на теле лишь глубже врезали в него эту ненависть.

В Ведомстве Императорского города повсюду были скрытые посты, он не смог достать даже лекарства и мог рассчитывать только на собственный организм, чтобы пережить это.

Он думал, что как только раны немного заживут, пойдёт устроить похороны А Фэну, но храм Саньшань был окружён плотным кольцом, его раны были тяжёлыми, к тому же люди из Ведомства Императорского города загнали его в угол, так что приблизиться туда, очевидно, было невозможно.

Если бы в тот момент он смог остановить Бай Иньфэна, не дав ему выпить ту чашу супа из лотосовых семян, всё было бы хорошо. Просто он слишком доверял Юнь Тао и слишком переоценивал свои способности, не подумав, что это приведёт к серьёзным последствиям.

Яд Цяньцзи... Юнь Тао мог подсыпать ему такой сильный яд, явно желая его смерти!

Такой сильный яд, даже если бы Бай Иньфэн выпил немного, и бессмертный бы не спас, он сам и подавно не смог бы. Более того, он сам едва спас свою жизнь, чуть не расставшись с ней в храме Саньшань. Наоборот, жетон, который Бай Иньфэн дал ему, откуда бы он ни взялся, случайно спас его.

Чего он не мог понять, так это того, если Бай Иньфэн догадался, что в супе есть яд, зачем же он его выпил? Он мог бы разбить чашу или заставить стражника, который принёс суп, выпить его.

Хотя Тан Сяоу так думал, он понимал, что всё это было бесполезно. Евнух Ван по приказу императора принёс суп из лотосовых семян, кто посмеет его разбить? Если бы он заставил стражника выпить, тот мог бы намеренно разбить чашу, а затем обвинить его в неповиновении указу, и ему нечем было бы оправдаться. В той ситуации он всё равно не поверил бы, что в супе есть яд, а наоборот, стал бы упрекать Бай Иньфэна в чрезмерной реакции.

В сознании всё ещё звучали слова Бай Иньфэна из сна:

— А У, почему ты мне не веришь?

Он закрыл глаза, и перед ним возникло лицо Бай Иньфэна, слегка отливающее синевой в тот момент.

Бай Иньфэн этого не говорил, тогда ситуация была критической, он почти ничего не сказал. Только когда передавал жетон, его взгляд, устремлённый на него, был полон печали, словно вздох.

Тан Сяоу подумал, что, должно быть, ему померещилось, ведь Бай Иньфэн был прямолинеен и никогда не имел таких сложных выражений лица. Попытавшись вспомнить больше, он вспомнил только ссору, вспыхнувшую между ними до прихода Евнуха Вана.

Тогда он лишь подумал, что Бай Иньфэн неразумен, но и успокаивать его не было настроения, ведь его дело с Юнь Тао не касалось Бай Иньфэна, и даже если Юнь Тао из-за чего-то разозлился на него, он был готов это принять. Они с Бай Иньфэном и раньше ссорились, в конце концов, после каждой ссоры они быстро мирились.

Теперь же он понял, что гнев императора — не то, что он может легко вынести, но у него и Бай Иньфэна больше не было шанса помириться.

Вспоминая ту ссору, тон А Фэна, казалось, носил странную нотку ревности. Сначала он подумал, что это просто из-за того, что А Фэн беспокоился, как бы он не променял дружбу на любовь, но теперь ему кажется, что одно лишь беспокойство не могло зайти так далеко...

Зачем А Фэн, рискуя жизнью, спасал его? Если не мог спасти, не нужно было и пытаться, лучше бы дал ему выпить суп из лотосовых семян, может, выпив его, он бы не умер, а А Фэн ведь действительно мог погибнуть!

Да, А Фэн не знал о его родословной Долины Вечной Жизни.

Если бы А Фэн знал, возможно, ситуация не дошла бы до такого. Но также могло случиться, что задолго до этого А Фэн мог бы сорваться и выболтать его происхождение. В конце концов, этот парень был тем, кто прямо говорил незнакомцам:

— Этот молодой господин из семьи Бай с Цзяннани.

Если бы тогда он не напоминал ему постоянно, А Фэн мог бы и забыть называть его «двоюродным братом» перед братом и сестрой Юнь, называя его прямо по имени, и тогда бы он раскрылся восемьсот лет назад.

Именно потому, что А Фэн был с ним слишком близок, ему пришлось притвориться двоюродными братьями, что в итоге стало прорехой в его истории сироты, когда Юнь Тао проверял его прошлое. Если бы он изначально описал отношения с А Фэном как более далёкие, возможно, ничего этого бы не было.

Однако тогда он не думал об этой прорехе, изначально планировал в будущем не скрываться перед Юнь Тао, найти возможность рассказать ему о своём происхождении.

Не ожидал, что Юнь Тао окажется подозрительным и предпочтёт верить другим, а не ему.

Он решался начать по-настоящему доверять человеку, но столкнулся с таким отношением, как же он теперь сможет снова доверять другим?

Отныне всё прекрасное в этом мире не имеет к нему отношения, вся его оставшаяся жизнь будет жить ради мести, и ни один из тех, кто причинил ему зло, не уйдёт от расплаты!

* * *

Последние два дня не писал, потому что был занят другими делами, да и тут сюжет вступает в новую фазу, так что немного застопорился.

С сегодняшнего дня начинается совершенно новый Тан Тан!

Улицы Столицы по-прежнему были оживлёнными, но так как уже близился вечер, толпа на рынке начала расходиться.

Хромой нищий, с растрёпанными волосами и грязным лицом, с чёрной повязкой на глазах, очевидно, незрячий, опираясь на бамбуковую трость, медленно пробиравшись вдоль стены.

После того как Бай Иньфэн очнулся, он обнаружил, что ослеп. Перед глазами была не тьма, как перед потерей сознания, а пустота, словно глаз вообще не существовало. Он на мгновение растерялся, затем понял, что его нижний дантянь пуст, внутренняя энергия иссякла, попытался подняться, но ноги почти не слушались.

Неподалёку слышалось журчание реки, и он осознал, что лежит недалеко от берега. В тот день, упав в водопад, он не успел захлебнуться, как погрузился в беспамятство.

Вероятно, тогда его снесло потоком вниз, и вода выбросила его на берег.

Согласно словам Лу Цинфэна, он был отравлен ядом Цяньцзи и должен был давно умереть, но, неожиданно, всё ещё оставался в живых.

Просто его повреждённое тело, скорее всего, не восстановится. Если бы глаза можно было вылечить, реакция была бы не такой, что даже темноты не видно, сейчас же казалось, будто у него никогда не было такого органа, как глаза, при прикосновении к ним даже сокращение окружающих мышц, казалось, не ощущалось.

Яд был настолько сильным, а он всё же сумел выжить — возможно, это уже чудо.

Лу Цинфэн с уверенностью утверждал перед ним, что он умрёт, Бай Иньфэн не мог не усмехнуться: если бы Лу Цинфэн узнал, что он жив, наверное, лопнул бы от злости.

Думая о событиях того дня, Бай Иньфэн невольно почувствовал беспокойство. Неизвестно, как там Тан Сяоу, раз уж он сам отравился, Тан Сяоу должен был проявить бдительность.

Что касается того, как он узнал, что суп из лотосовых семян отравлен, он и сам не очень понимал, это было какое-то интуитивное ощущение. Подобно зверю, способному в первый же момент почуять приближение опасности.

<http://bllate.org/book/15610/1393717>